

Революция и кризис репрезентации

АРТЕМИЙ МАГУН

ПРОШЕДШИЕ в 2011–2012 годах по Европе и США общественные выступления (Indignados, Occupy Wall Street, Оккупай Абай и др.) в очередной раз оживили нововременную традицию городских массовых протестов (в пределах переходящих в революции), а также присущую современному государству проблему репрезентации. Лозунг испанских «разгневанных» «No nos representan» был творчески и иронически подхвачен во время российских протестов декабря 2011 года — «Вы нас даже не представляете». Обыгрывалось двойное значение термина «репрезентация» — политическое, объективное (политик представляет, то есть замещает собой, народ) и эпистемологическое, субъективное (политик познает народ, получает о нем обратную связь, изучает общественное мнение). Хотя эпистемологическое и политическое значение репрезентации развивались параллельно, они имеют общий метафорический исток (понятие о литургии, в которой «собственной персоной» присутствует Бог), и общий глубинный смысл, который яснее всего ухватывает в начале XVIII века Г. Лейбниц: у него монады «представляют», отражая, другие монады и в смысле *представительства* за них и в смысле сводного *представления* о них: «как <...> тело <...> выражает весь универсум, так душа представляет весь универсум, представляя то тело, какое ей, в частности, принадлежит»¹. Репрезентация — это манифестация, работающая в две стороны, как познание и как проявление.

Предполагается, что наши государства демократичны и, следовательно, народ в них управляет сам собой. Но поскольку народ это не Бог (*causa sui*), а конечный субъект, то управляет он

1. Лейбниц Г. Монадология // Лейбниц Г. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 424.

не напрямую (иначе не было бы проблемы: народ сам захотел и сам сделал), а опосредованно: через посредство *репрезентации*, которая, основываясь на системе фиктивных отождествлений, «собирает» народ *воедино* в политическом теле парламента².

Общепринятая сегодня в мире политическая система обычно называется репрезентативной демократией. На самом деле это понятие — оксюморон (как это часто бывает с политическими понятиями). Он возникает как раз в эпоху Американской и Французской революций — у Александра Гамильтона и Эммануэля Сийеса (последний не употреблял самой формулы, но дал соответствующую ей теорию)³, чтобы описать невиданное доселе слияние двух политических концепций: идею сословно-феодальной репрезентации (которая не имела ничего общего с демократией) и понятие народного суверенитета (исключаящего всякую репрезентацию), введенное Руссо. В первой из этих концепций народ понимается как множество пассивных подданных, во второй — как единый абсолютный суверен. Сочетание этих противоречивых понятий указывает на то, что дело не в них, а в историческом событии, которое через них действует. В событии революции, которое является точкой перегиба между «пассивным» и «активным» значением репрезентации.

В течение второй половины XX века, и сейчас с новой силой, со всех сторон раздаются голоса о кризисе репрезентации. М. Хайдеггер, в своей классической работе «Время картины мира»⁴, указал на ограниченность и проблематичность философии репрезентации, в которой вещи рассматриваются в единой проективной плоскости, теряя свою специфическую ситуативность и историчность.

Современная критика, следуя своеобразному философскому «анархизму» Хайдеггера⁵, а затем и Делёза, критикует принцип подчинения множественных вещей их единой и стабильной идее. Как верно пишет Геральд Рауниг, ««No nos representan!», „Они не представляют нас“ — один из важнейших лозунгов нынешних движений, и он подразумевает не только то, что политики делают что-то неправильно или сами являются ложными представителями, но нечто более фундаментальное, а именно, что политика репрезентативной демократии не функционирует

2. См.: Pitkin H. The Concept of Representation. Berkeley: University of California Press, 1967; Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2008.

3. Podlech A. Repräsentation // Brunner O., Koselleck R. Geschichtliche Grundbegriffe. Stuttgart: Klett-Cotta, 1984. Bd. 5. S. 509–550, ссылка на S. 525.

4. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и Бытие. М.: Республика, 1991. С. 41–63.

5. См.: Schürmann R. Le Principe de l'Anarchie. Paris: Seuil, 1982.

вообще или больше не функционирует, что ее гегемониальная модель органической репрезентации навязывает логику единства и идентичности»⁶. С одной стороны, здесь звучит анархическая критика метафизики, характерная для «мысли 1968 года», на которую опирается Рауниг. С другой стороны, многие наблюдатели отмечают изменение структуры общества, при которой трансформируются и перемешиваются стабильные макрогруппы (рабочие, крестьяне, буржуазия), труд становится подвижным и прекарным, и партии поэтому теряют свой традиционный электорат.

В то же время, репрезентация в философском смысле есть не только суверенное владение собой, не только метафизика субъекта и не только проекция и «установление» (Хайдеггер) всех остальных вещей, но еще и опосредование, делегирование и обозначение. Жак Деррида в своем фундаментальном трактате о понятии репрезентации⁷ обращает внимание на то, что у Хайдеггера за поставом репрезентации (*Gestell*) кроется эпохальный посыл, *Geschick*. А посыл, в свою очередь, остается в плену поставы, пока он направляется от аутентичного присутствия к чему-то неаутентичному. Деррида считает, что истиной репрезентации является непредсказуемое, отдаляющее «отправление». Оно неизбежно вносит разлад внутрь субъекта, затронутого далеким «другим». Деррида тем самым — хотя он не говорит этого напрямую — отдает дань именно политическому пониманию представительства. Демократическая репрезентация в смысле посылки полномочных делегатов в революционной ситуации имеет онтологический приоритет над легитимирующей репрезентацией, при которой «народ» твердо держит «себя» в руках при помощи бюрократической машины государства, элиты которого он якобы «делегирует» из своей среды, а на самом деле символически утверждает.

И действительно, нововременная политическая традиция не сводится к апологии репрезентативной парламентской демократии, а «прямая» массовая демократия не является ей единственной альтернативой. Собственно «демократическая» составляющая современности была изначально связана с иными родами институтами, чем регулярный парламент. В самом начале Французской революции ее видный идеолог, Э. Сийес, отмечал, что в революционный момент выдвигается особая «учредительная» власть, предшествующая учрежденной, то есть про-

6. *Raunig G. More than two // Politics of the One/A. Magun (Ed.). NY: Continuum, 2013* (в печати).

7. *Derrida J. Envoi // Psyche. Invention de l'Autre. Paris: Galilée, 1987. P. 109–144.*

цедурно-легальной⁸. Эта власть не легальна, но тем не менее легитимна — народ ее поддерживает. И состоит она из «экстраординарных» представителей, которые если избраны, то по старым словесным законам, и не для того, чтобы представлять «нацию» (народ), а чтобы легитимировать решения короля. Сийес прежде всего имел в виду депутатов Генеральных штатов, которые объединились потом в «Учредительное собрание» нации. Но одновременно шло формирование другого института — так называемых секций Коммуны (муниципальных органов) Парижа, которые создавались во многом произвольно на базе старых муниципалитетов, а также выборов в Генеральные штаты (выборщики депутатов вошли в секции), и стали центром массовой мобилизации радикальных, в том числе социально-экономических, идей переустройства. И в данном случае, речь идет о стихийном собрании людей, которое не было запланировано или сформировано по строгой процедуре, которое опиралось на локальные сообщества и тем не менее претендовало на представительство народа. Впоследствии похожие институты, в сознательной оглядке на 1790-е годы во Франции, формировались во время всех крупных революций, особенно в 1871 году в Париже, где республика была чисто городской, и поэтому муниципальная «коммуна» была единственным органом власти. В XX веке эта традиция продолжилась и привела к формированию «Советов» — во время революций 1905 года и 1917 года в России (где большевики пришли к власти с лозунгом «Вся власть Советам!»), в 1918 году в Германии, в 1919 и потом в 1956 году — в Венгрии⁹.

В политической теории традиция советов получила заметное отражение. Идеи низовых спонтанных собраний встречаются у П.-Ж. Прудона, М. Бакунина и других теоретиков анархизма, правда не как учреждающий процесс государственной власти, а как альтернатива ей. При этом идея советов связывается здесь с идеей *федерации*: как и в международном праве, власть устроена как координация, снизу вверх, множества локальных демократических сообществ, без делегирования полноты власти центральным представителям.

В начале XX века, после опыта российских рабочих советов 1905 году, дискуссии об этой форме правления велись в со-

8. *Sieyès E. Qu'est-ce que le Tiers-État*. Genève: Librairie Droz, 1970 [1789].

9. Книга о советах немного, лучшим источником остается: *Anweiler O. Les Soviets en Russie*. Paris: Gallimard, 1958, 1972. См. также интересную работу, которая пытается вписать советы в русскую национальную историю: *Скирда А. Вольная Русь: от вече до Советов*. Париж: Громада, 2003.

циалистическом движении¹⁰. Апологетически настроенные Лев Троцкий¹¹ и Роза Люксембург¹², оба — лидеры советов во время русской и немецкой революций, называли советы органами демократического рабочего *представительства*, поддерживали спонтанность, активность советов и рассчитывали на то, что они станут основой социалистической революции, в то время как Ленин вначале возражал, видя в советах лишь демократическую форму власти, не обязательно способствующую развитию революции и социалистическому переустройству, а потом, в 1917 году, сам сделал ставку на советы (правда, при условии, что лидирующую роль в них будет играть партия) и призвал отдать им всю власть.

Во второй половине XX века, в ситуации демократического консенсуса, но и перманентной (само)критики либеральной демократии с демократическими позициями, советы как форма учредительной власти стали темой двух важных работ по политической философии: «О революции»¹³ Ханны Арендт и (на 30 лет позднее) «Учредительная власть. Об альтернативах современности»¹⁴ Антонио Негри.

Арендт видит в советах реальную альтернативу традиционной политической репрезентации. Советы, пишет она, репрезентируют людей в их *активном* качестве, а парламенты — в их *пассивном* качестве носителей частных интересов или идей. Советы, в силу цепного, диффузного, а не иерархического типа делегирования, создают реальное единство общества, а не подчиняют его единству символа. Наконец, советы возникают, по мнению Арендт, спонтанно¹⁵, как будто из ничего, а значит,

10. Ср.: Negri A. Le pouvoir constituant. Paris: PUF, 1992. P. 370–371.

11. Троцкий Л. Историческое значение Совета Рабочих Депутатов (1905). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl217.htm>.

12. Luxemburg R. *The Mass Strike, The Political Party and the Trade Unions* (1906). URL: <http://www.marxists.org/archive/luxemburg/1906/mass-strike/index.htm>, и текст времен немецкой революции советов, «Чего хочет Союз Спартака» (1918). URL: <http://www.1917.com/Marxism/Luxemburg/Luxemburg-Spartak-Desire.html>. В частности: «Поэтому от самой вершины государства до самой малой общины пролетарские массы должны заменить традиционные органы буржуазного классового господства: бундесраты, парламенты, общинные советы своими собственными классовыми органами: рабочими и солдатскими Советами, заняв все посты, поставить под контроль все функции, измерять все государственные потребности собственными классовыми интересами и социалистическими задачами. Их деятельность может наполнить государство социалистическим духом только в постоянном, живом взаимодействии между народными массами и их органами — рабочими и солдатскими Советами».

13. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. Гл. 6.

14. Negri A. Op. cit.

15. Arendt H. On Revolution. P. 239, 249.

являются высшим проявлением свободной активности. Историческое же поражение советов Арендт выводит из их неспособности заниматься экономическим менеджментом — это политический, а не социально-экономический орган. Поэтому советы играют роль в революционном учреждении государства (здесь Арендт противостоит анархистам, которые вообще скептически относились и к государственному, и к политическому), а потом угасают, что, как Арендт не говорит, но намекает, фактически неизбежно. Арендт — ученица Хайдеггера и имеет явные метафизические амбиции, так что революции и советы выступают у нее как скрывшийся, ускользнувший *исток* нововременной политики, ее скрытая аутентичность.

Другой почитатель советов, Антонио Негри, напротив, пишет в своей книге «Учредительная власть. Об альтернативах современности» о том, что советы объединяют политическое творчество с творчеством экономическим, то есть с производством. Он спорит с Арендт, отбрасывающей социо-экономическую роль советов и видит ее ключевой уже у Сийеса, где, как он замечает, учредительная власть определяется через труд и экономическую власть, которая должна перерасти в политическую. «В нововременном капитализме, учредительная власть проявляется непосредственно как социальная власть»¹⁶.

Советы продолжают «альтернативную» историю политики, которая была впервые продумана, с точки зрения Негри, Маккиавелли — первым теоретиком учредительной власти, затем Харрингтоном, Спинозой и Сийесом. При этом, с точки зрения Негри, советы и аналогичные им органы по сути являются не *чрезвычайной*, а потенциально *регулярной* формой учредительной власти. Он упрекает Арендт в том, что та вольно или невольно проводит линию исключительного, чрезвычайного характера учредительной власти — тем самым скрыто солидаризируясь с Шмиттом. Но при этом Негри, как и Арендт (и как Люксембург), систематически настаивает на *спонтанности* и активности этих институтов.

Более того, и в его концепции присутствуют собственно философские, метафизические элементы: так, он приписывает учредительную власть не какому-то субъекту или институту (много критики в его книге обращено против «институционализма»), а самому времени, или революционному событию. Мало того, что люди, учреждающие советы, действуют спонтанно — они в силу этого не являются коллективными суверенами, а следуют логике или судьбе, которую диктует им революционный про-

16. Negri A. Op. cit. P. 333.

цесс. Мысль, в которой можно было бы заподозрить влияние Бадью, с его философией события, но на самом деле Негри относится к его философии с недоверием (понятым у анархиста по отношению к маоисту). Это — влияние делёзовской онтологии события, которая в конечном счете тоже многим обязана Хайдеггеру.

Репрезентация в XX–XXI веках находится в кризисе, как концептуальном, так и политическом.

Во-первых, это кризис символический. Происходит дискредитация самой логики репрезентации. Субъект больше не узнает себя в образах единства общества, их евхаристическая сила устарела. В то же время, он идентифицирует — вчуже — сами эти образы. Происходит эмансипация образа, означающего от изображаемого, означаемого. Налицо эстетизация политики и перенос на нее логики телевизионного зрелища. Так, по мнению Бернарда Манена¹⁷, центральным репрезентативным институтом демократии был в XIX веке парламент, в XX веке его заменила партия, а с конца XX века центр репрезентации переходит в СМИ, где репрезентативной фигурой становится медиа-эксперт.

Во-вторых, для кризиса репрезентации есть объективные социально-политические предпосылки, нарастающие в процессе глобализации. Разрушается культурно-политическая однородность национальных государств, идет социальная фрагментация. Большие социальные группы размываются, труд становится подвижным и гибким, и соответственно людям сложнее опознать свой «объективный» интерес — они все больше голосуют исходя из медийных репрезентаций или сиюминутных проблем¹⁸.

Уровень принятия решений уходит из национальных государств, где существует более или менее легитимная рутина репрезентации, «наверх», в международные организации. Важнейшую роль в принятии решений играют неизбранные чиновники, а также главы крупных корпораций и просто крупные капиталисты, не говоря уже о безличной логике накопления капитала вообще. Тем самым репрезентативное единство народа теряет

17. Манен Б. Указ. соч. Гл. 6. С. 240–290.

18. См. о кризисе политической репрезентации, в частности: Laclau E. On Populist Reason. London: Verso, 2005. О проблемах Евросоюза см.: Norris P. Representation and the democratic deficit // European Journal of Political Research. October 1997. Vol. 32. Issue 2. P. 273–282. См. также сильную в теоретическом отношении статью про Израиль: Filc D. Neo-Liberalism, Sovereignty, and the Crisis of Representation in Israel // By the People, For the People, Without the People? The Emergence of (Anti) Political Sentiment in Israel and in Western Democracies. Jerusalem: Israel Democracy Institute, 2012.

реальный смысл, не только из-за масштабов медийной индустрии, но и потому, что «народ» становится все менее репрезентируемым. Политическое представительство все больше вырождается в простое отстаивание конфликтующих интересов. Результатом становится отчуждение политического субъекта на всех уровнях от самого себя.

Итак, репрезентация в кризисе — но паниковать по этому поводу тоже не надо, имея в виду, что репрезентация в кризисе всегда: ведь ее условием и следствием является раскол субъекта и его разбалансировка. По мнению А. Негри, учредительная власть есть «субъективность творчества <...>, творчества, которое рождается из кризиса»¹⁹, то есть она как раз питается кризисом репрезентации. В этом отношении она не только основание и исток, но и последствие репрезентативной логики.

Теперь я предлагаю применить всю эту логику к нашему недавнему прошлому — истоку нашего собственного политического режима, который ныне находится в очередном кризисе. Как я писал ранее²⁰, советская перестройка и последующие годы в России во многом повторяют логику великих революций прошлого, даже при том, что революция была начата сверху, что она не сформировала сильной новой идеологии и т. д. — то же характерно и для многих других революций. И, как мы увидим, эта своеобразная, «отрицательная» революция не лишена была своей учредительной власти, на сей раз явившейся в амальгаме советской и парламентской форм.

Как ни странно, разрушение советского строя М. С. Горбачевым прошло под лозунгом «Вся власть Советам!»²¹. Казалось бы, здесь идет речь о поверхностной, нечестной имитации. Но на деле «советская», а не парламентская структура созданных Горбачевым органов государственной власти, сыграла большую роль в интенсивности последовавших революционных событий. Чтобы придать обществу мобилизационный импульс и опереться на народ в борьбе с бюрократией, Горбачев предпочел усовершенствовать заложенную в Конституции СССР модель советов, добавив к ней (существовавший в революционные годы) институт Съезда народных депутатов и соревновательность выборов вместо того, чтобы создавать парламентскую систему западно-

19. Negri A. Op. cit. P. 419.

20. Магун А. Отрицательная революция. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2009.

21. О перестройке существует уже несколько исторических работ, на которые можно опираться. Лучшей, на мой взгляд, остается: Согрин В. Политическая история России. М.: Прогресс-Академия, 1994. Конкретно о советах подробно написано у Игоря Шаблинского: Шаблинский И. Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995). М.: МОНФ, 1997.

го типа. Хотя он, по его же словам, пытался создать «правовое государство», близкое к западному типу, он, безусловно, считал, что модель советов будет более управляемой, а переход к ней — более плавным. Таким образом, реформа 1988 года ввела институт Съезда народных депутатов — огромного непрофессионального органа, образуемого частично прямым голосованием, а частично официальными «общественными организациями». Съезд заседал нерегулярно, а в промежутке полнотой власти обладал избранный им Верховный Совет. Депутаты могли быть отозваны (действовал «императивный мандат», отсутствующий в западных парламентах, поскольку он противоречит принципу совещательности). И — самое главное — закон утверждал *полновластие* советов («Вся власть советам!»), то есть по сути их неограниченный суверенитет.

Дальнейшее известно. Хотя съезд и сохранил лояльность к Горбачеву, его телетрансляции предоставили трибуну публичной пропаганде против власти партии, представили наглядный пример политической борьбы, продемонстрировали мобилизацию и поляризацию общества. Помноженные на власть электронных медиа, советы сыграли подлинно репрезентативную роль самопредъявления и самоконституирования народа.

В дальнейшем тиражирование союзного законодательства в республиках сделало из республиканских Съездов альтернативные центры монопольной власти, которые экспроприировали ее у союзных и партийных органов. После распада СССР президент России Борис Ельцин вступил в острую конфронтацию со съездом и Верховным Советом России, которые отстаивали свою *монопольную* власть, в соответствии с буквой и духом возрожденного института советов. Эта борьба была сверхдетерминирована идеологически: съезд и Верховный Совет вооружились реакционно-националистической риторикой, а Ельцин — либерал-реформистской. Но подоплекой их столкновения было существование двух институтов, претендующих на полновластие.

В 1993 году Ельцин пошел на открытое противостояние с Верховным Советом, победил и добился принятия на референдуме новой конституции, уничтожающей советские формы и вводящей стандартный двухпалатный парламент западного типа (нижняя палата которого, правда, была названа «Думой», по образцу дореволюционной России). Либеральная печать посвятила себя в те месяцы критике советов как политической формы и приветствовала «десоветизацию» как возврат к «нормальной», то есть принятой на Западе парламентской форме. После этих событий режим Ельцина стал резко терять легитимность и все больше опираться на недемократические формы управления.

Заметим, что до 1993 года ни Горбачев, ни Ельцин не решились принять новую конституцию, хотя вводили в старые (в конституции СССР и РСФСР соответственно) изменения, полностью менявшие их смысл. Они опасались акта, маркирующего разрыв эпох и открыто признающего революционность перемен. Эта неспособность занять четкую позицию привела — политически — к дрейфу большей части общества в сторону оппозиционного лагеря, где реакционеры, желавшие возврата назад, объединились с демократами, обвинявшими режим в репрессивности. Политико-идеологическая ситуация в России 1990-х годов (меланхолия, позиционная война, стагнация) была во многом обусловлена бессознательностью, символической неартикулированностью происшедшей революции.

Итак — какая ирония! — институт советов²², в свое время (1905, 1917–1921) бывший органом революционной демократии (но при этом все равно несший черты сословного представительства: после революции советы долгое время, вплоть до сталинской конституции 1936 года, оставались «советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов», потом стали «советами депутатов трудящихся» и только в 1977 году превратились в «советы народных депутатов»), в дальнейшем был подавлен и законсервирован в форме частью декоративного, частью сословного представительства. Но попытка принять и использовать этот институт всерьез 70 лет спустя привела к реактивации его революционного потенциала, а затем к самоуничтожению как самого института, так и государства. «Советская» история (то есть история «Советского Союза», чье название отсылало не к коммунистической идеологии, а к революционной демократии и превратилось поэтому в циничную ложь) зажата между двумя периодами, в которые она действительно управлялась советами: 1917–1921 и 1989–1993.

Будучи истоком и могильщиком советского режима (как яйцо Кашея Бессмертного), советы являются также наиболее универсальным и политически потенциальным из связанных с ним феноменов. Советы — это российский «незавершенный проект» учредительной власти, который во время перестройки остался неузнанным в качестве такового, а потом и сознательно подавленным.

С теоретической точки зрения, в этой истории интересно то, что «советы» не были созданы спонтанно и творчески, снизу, как это происходило раньше и как это ценилось в теориях советов от Люксембург до Арендт и Негри. В данном случае, они уже су-

22. О советах в период СССР см., например: *Коржихина Т.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 — декабрь 1991 годов. М.: Интерпракс, 1995.

ществовали, но в совершенно пустом, ритуальном виде. Реформы Горбачева и скрытые энергии гражданского общества как бы разбудили эти дремлющие институты. Но сама их форма несла в себе — объективно — память о революционном моменте основания советского государства. Учредительная событийность, которая несомненно имела место и в данном случае, в меньшей степени напоминала безудержный поток масс или суверенный акт, а скорее перегиб и перехват уже существующих форм действия со стороны их участников.

И строго говоря, в этом нет ничего нового. Ведь если мы посмотрим на историю Французской революции, то и там старый (устаревший) сословный орган, собранный королем — Генеральные штаты — превратился в революционный штаб, а затем в учредительное собрание. Так, Сийес говорит про своих «экстраординарных» учредительных представителей:

Как бы они ни были делегированы, каким бы образом они ни собирались, каким бы образом ни совещались, при условии, что нельзя будет не знать или игнорировать (а как пославшая их нация могла бы этого не знать или игнорировать это?), что они действуют на основе чрезвычайного поручения народов, их общая (commune) воля будет означать волю всей нации²³.

Нация присутствует в подобном собрании своей частью, и это не вызывает ни малейших сомнений, подобно тому, как если вы просите хлеба, вы не обижаетесь, что вам отрезали от него кусок, а не отдали весь хлеб, находящийся в досягаемости.

Итак, революционное учреждение репрезентативной демократии требует подвешивания ритуала и процедуры, они становятся неважны²⁴. Под это определение подпадают и коммуны, и советы являются материальным аналогом этой юридической конструкции Сийеса. Их репрезентативная легитимность

23. Sieyès E. Op. cit. P.180–181. В русском сокращенном пересказе (*Аббат Сийес*. От Бурбонов к Бонапарту. СПб.: Алетейя, 2003. С.149–217) эта цитата отсутствует.

24. Михаил Ямпольский в своем «Возвращении Левиафана» (М.: НЛО, 2004. С.698) цитирует Мартина Нильссона: «Это так называемое жертвоприношение [то есть жертвоприношение от наиболее отвратительного и отверженного — А. М.] не требует идеальности исполнения». Революционный момент похож на то кризисное, «исключительное» положение, в котором в архаическом обществе подвешивалась процедура ритуала и принималось решение, например, об изгнании и отвержении. Но советы, наоборот, сами суть органы отверженных, низов общества — именно в этом смысле они «демократичны». Это Бог знает кто, любые — и на этом основана их власть. Ср.: *Rancière J. La mésentente*. Paris: Galilée, 1995; *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2005.

строится не на процедуре, а на факте их организационного лидерства, на их учредительной *деятельности*. В то же время, они не возникают ex nihilo, как это хотелось бы видеть юридическому разуму. Учредительная власть всегда появляется из остатков учрежденной власти гнущего режима. Так, в 1917 году советы были сознательно созданы рядом социалистических депутатов Думы (Чхеидзе, Скобелев) по образцу 1905 года в Таврическом Дворце. Поэтому «учредительность» этой власти происходит не столько из творческого инстинкта и спонтанности, сколько из *революционности*, то есть из способности поменять направление и знак реальности на противоположные: стать из сословной репрезентации репрезентацией демократической.

Сегодня многие готовы списать неуспех освободительных идей революции 1980–1990-х годов на вековой патернализм русского народа. Активный, ответственный либеральный субъект, которого мы видим сегодня на Западе, конечно привлекателен. Но этот субъект, сам по себе, не подходит для революций, то есть не может сам себя основывать. Для революции нужен и реактивный аффект, не только активное действие; революционный субъект должен опираться на какую-то органическую традицию, пускай седиментированную и забытую.

Речь идет не столько о творении из ничего, сколько о перевороте в сознании, в действии и в опоре на свершившийся земной факт, а не на идеальную норму. Пассивная, реактивная негативность жалобы превращается в непримиримую бесконечную негативность революции (а позитивность — достояние как раз учрежденной, регулярной власти). Негра прав в том, что политическая субъективность в истоке своем — не вещь и не акт, а событие. Но событие это — не просто захватывающая мобилизация, а революционное *переворачивание*, не только низов с верхами, но и реакционных тенденций с эмансипаторными. Революционное событие носит, можно сказать, *диалектический* характер.

Феномен советов вскрывает в понятии репрезентации фундаментальный — историчный, темпоральный — уровень. Приставка «ре-» в слове «ре-презентация» напоминает приставку «ре-» в слове «революция». Те же значения возврата, повторения и сопротивления в понятии, которое, как и революция, само по себе означает однонаправленное «посылание» кого-либо (депутата) куда-либо (в столицу, в совет, в парламент — но доходит ли он по назначению?). Репрезентация не просто объединяет общество при помощи символа, но *ориентирует* его во времени, отсылая его к моменту основания (конституции), запрещая в этой точке дальнейший возврат в прошлое и ориен-

тируя его на будущее (в акте отправки депутатов)²⁵. Тем самым, по идее, должен достигаться временной синтез народа, опирающийся на живое *событие*, а не на мертвую монументальную традицию, навязываемую национализмом.

Есть разница между юридической, перформативной властью, якобы творящей общество из ничего — а на деле воспроизводящей статус-кво — и властью, действующей наспех и наугад, для которой сила и продвижение вперед важнее, чем ее продукт, властью, которая (в обоих смыслах слова) *забывается*. Именно такова учредительная власть, которая трансформирует существующие институты, доводя их до предела и переполняя их собой.

И в заключение: какие практические уроки отсюда следуют?

Нынешнее движение Оссуру и ему подобные повторяют матрицу учредительной власти: хотя они и не захватывают государственной власти (кроме, отчасти, арабского региона), они создают собственные формы самоуправления и самоорганизации — «ассамблеи». То есть это уже не только протестные движения, но и попытки создания структур самоуправления.

Конечно, эти ассамблеи управляют только самими «оккупирующими» активистами и в крайнем случае их коллегами по работе. Однако их значение уже в самом их присутствии, которое представляет собой живое опровержение претензий легальных органов власти на легитимное представительство единого народа, а также опровержение полезных для власти идей о разобщенности и дикости этого народа. Как считала та же Арендт, политика — это прежде всего потенциал совместного действия.

Вопрос, однако, в том, каким образом ассамблеи координируются между собой, и соответственно, какова их легитимность в глобальном или национальном масштабе. Часто практикуются голосования по интернету, в социальных сетях, но они происходят без личного обсуждения и механически объединяют большое количество людей, приближаясь тем самым по логике к парламентской, а не учредительной власти. Поэтому представляется насущным опыт советов, в разных вариантах приходивших к необходимости координации своей работы, как правило, путем временного делегирования депутата совета в вышестоящий совет.

История показывает и важность разнородного принципа организации советов — ассамблеи объединяют людей по принципу досуговой активности в городской среде, что понятно, учитывая возросшее значение досуга в современной экономике и роль

25. Ср.: Derrida J. Op. cit.

городской застройки в структуре современного инвестиционного капитала. Но расширение и убедительность движения неизбежно потребует распространения его на местные, муниципальные органы (существующие или же новые, импровизированные) и на трудовые коллективы по месту работы. Учитывая международный характер движения, понадобятся и соответствующие формы координации.

Наконец, необходимо помнить и о традиции революционной учредительной власти: она лежит и в основе нынешнего режима (учрежденного в результате перестройки), и в основе предшествовавшего, советского режима, которому он себя противопоставляет. В этом смысле попытка активистов в 2011–2012 годах побороться за «честные выборы» по существующей системе имеет смысл: она рифмуется с политической реформой Горбачева (провести реальные выборы там, где они были мнимыми), и в то же время придает серьезное значение институту выборов, который в свое время нес учредительный смысл, а теперь его потерял. Попытки властей локализовать и понизить уровень протестов через развитие муниципалитетов и провести губернаторские выборы через муниципальные фильтры могут обернуться для них опасностью: здесь как раз и возможен «перехват».